

Валентин Антипов

Источниковедение как базовая научная дисциплина при подготовке
Предметно-тематических указателей произведений композитора

*Публикация осуществлена при финансовой поддержке РГНФ.
Проект: В.И. Антипов. Энциклопедия творчества С.В. Рахманинова.
№ 14-04-00261. 2014 – 2016
2016 год
Русское Музыкальное Издательство*

Источниковедение – это специальная дисциплина, призванная обеспечивать историческому познанию такие необходимые для любой науки качества, как объективность и точность получаемых выводов, а также разрабатывать систему доказательств истинности выдвигаемых учеными-историками положений и концепций.

Великий английский историк Р. Дж. Коллингвуд, сравнивая между собой различные области познания — естественнонаучное и историческое, — высказал такое суждение: в задачу историка «не входит изобретать что бы то ни было, его задача — обнаруживать имеющееся»¹.

В данном высказывании подчеркнута важность именно источниковедческих аспектов исторического исследования, которые представляются чрезвычайно актуальными и для музыкальной науки. Иначе говоря, источниковедение предстает как один из важнейших «индексов научности», в каком бы аспекте оно ни рассматривалось, и чем выше уровень разработанности теории и методики источниковедения, тем с большим правом та или иная область исторического познания будет претендовать на звание науки. К сожалению, именно в сфере отечественного музыкознания проблемы выявления и изучения исторических источников относятся к числу самых нерешенных и весьма запущенных. Если обратиться к периодике последних десятилетий, то вряд ли можно будет отыскать другую область, в адрес которой было бы высказано столько тревожных и критических замечаний. Из года в год, от одного поколения ученых к другому высказываются практически одни и те же мысли: об отсутствии соответствующих современным критериям справочных пособий; действительно полных академических собраний сочинений великих русских композиторов; о крайней разобщенности источниковедческих исследований; о необходимости создания единой и целостной программы по отысканию и восстановлению утраченных или давно забытых памятников; наконец, о практически полной неразработанности самой теории и методики источниковедения истории отечественной музыки².

Безусловно, было бы в высшей степени несправедливо недооценивать достижения в данной области отечественного музыкознания³.

Нельзя также отрицать и наличие трудов, посвященных собственно самой теории и методике источниковедения. Таких работ, к сожалению, ничтожно мало, но тем большую ценность они представляют – в первую очередь это относится к книге И. Ф. Петровской «Источниковедение истории русской музыкальной культуры XVIII – начала XX века»⁴.

Отставание в изучении источников с особой наглядностью предстает в сравнении его с аналогичной областью западноевропейского музыкознания. В свое время Ю. В. Келдыш отмечал, что в западных странах

¹ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. – М., 1980. – С. 239.

² См. статьи, опубликованные в журнале «Советская музыка»: Яголим Б. С. Отсталый участок советского музыкознания // 1950. № 11. С. 104–105; Орлова А. А. Нужны решительные меры // 1961. № 4. С. 191–192; Ляпунова А. С. Рецензия на книгу: Автографы А. К. Глазунова в фондах Государственного Центрального музея музыкальной культуры имени М. И. Глинки: Каталог-справочник / сост. Е. К. Антипова. – М., 1968 // 1969. № 12. С. 131–132; Ляпунова А. С. О некоторых проблемах музыкального источниковедения // 1971. № 3; Кунин И. Ф. Курьезы и некурьезы: Заметки историка // 1975. № 2. С. 106–114; Церлюк П. Комедия ошибок // 1979. № 12; Вечно живое и движущееся явление: Редакционная беседа // 1980. № 6. С. 37–48; № 7. С. 72–83; Текстологию — на уровень современной науки: Редакционная беседа в отделе «Наследие и библиография» // 1986. № 11. С. 97–103; Белоненко А. В долгу перед наследием // 1987. № 8. С. 58–59; Рахманова М. П. Общедоступное слово о музыке // 1988. № 6. С. 47–51 и др.

³ На достижениях отечественного музыкознания в области источниковедения было акцентировано внимание в статье Л.Г. Данько «Изучение и публикации источников. Справочная литература» // Вопросы теории и эстетики музыки / ЛГИТМиК. – Л., 1967. – Вып. 6–7.

⁴ И. Ф. Петровская. Источниковедение истории русской музыкальной культуры XVIII – начала XX века. – М., 1983. Рец.: Корабельникова Л. З. Историкам музыки // Советская музыка. – 1985. №7; Второе, дополненное издание: М., 1989.

«есть целая армия ученых, специализирующихся в источниковедении, библиографии, занимающихся всем комплексом так называемых вспомогательных, но абсолютно необходимых наук — тех, без которых не может быть настоящего музыковедческого исследования»⁵. Ссылаясь на высказывание крупнейшего немецкого специалиста Ф. Блюме, ученый указывал даже на некоторый перевес на Западе именно источниковедческих исследований над историко-методологическими.

Успехи западноевропейского музыкознания особенно заметны в области различного рода справочных пособий — библиографических, ното- и археографических, лексикографических указателей, в частности, предметно-тематических справочников, посвященных творчеству отдельных композиторов. Нельзя не отметить в данной связи также высочайший текстологический уровень полных академических собраний сочинений практических всех выдающихся западноевропейских композиторов-классиков.

Разумеется, целый ряд причин слабой развитости источниковедческой области отечественного музыкознания лежит за рамками собственно самой музыкальной науки. Успехи нынешнего западноевропейского источниковедения обусловлены,

прежде всего, непрерывностью традиций справочно-информационной культуры, тех традиций, которые были заложены еще во второй половине XIX – начале XX века (в том числе и в России)⁶.

Этим успехам в немалой степени содействуют высокие достижения в технической оснащенности архивов и библиотек. Следует указать также на соответствующий сегодняшнему дню уровень полиграфии, позволяющий удовлетворять высокие требования современной текстологической науки к опубликованию рукописей.

И все же — в последнем случае — нельзя не согласиться с высказыванием главного редактора издательства «Музыка» В. В. Рубцовой: «Стимулируя развитие научной мысли, издательство, тем не менее, не может подменить в этом процессе функции тех научных учреждений, которые обязаны ее развивать и направлять. Вот почему наша продукция отражает как качество работы издательства, так и — прежде всего — **уровень современного музыкознания, который усилиями только издательства поднять невозможно**. Поскольку научных центров, занимающихся разработкой проблем текстологии в музыкознании, нет, мы основываем свою деятельность в данной области на традициях, сложившихся в музыкознании, а еще чаще — в самой издательской практике»⁷.

Необходимо отметить еще одно важное обстоятельство, сдерживающее развитие отечественной источниковедческой науки. Вряд ли мы ошибемся, если выскажем мнение, что у подавляющего большинства современных ученых-музыковедов сложилось стойкое понимание источниковедения как некоей вспомогательной, как бы «добывающей» материал для науки дисциплины, которой должны заниматься лишь отдельные ученые-специалисты. Необходимо со всей решительностью подчеркнуть, что до тех пор, пока не будет поднят научный престиж источниковедения — оно будет постоянно отставать от требований сегодняшнего дня и существенно тормозить продвижение самого исторического музыкознания. «Источниковедение — не вспомогательная дисциплина», — подчеркивается в книге И. Ф. Петровской, — «Процесс изучения источников — это и есть процесс исторического исследования, поскольку всякое прошлое может быть познано только при наличии исторических источников и обращения к ним, а не в результате одних логических рассуждений... При этом источниковедение — не начальный лишь, не только подготовительный этап научного поиска. Ему предшествует постановка проблемы, которая требует определенных знаний и диктует программу “опроса” источников. А в дальнейшем, в результате размышления о сущности явления, его происхождении и последствиях выясняются или предполагаются какие-то новые грани и связи, и это толкает к разысканию еще новых источников, может быть, совсем в ином направлении, чем на первом этапе. Изучение источников, то есть выявление и анализ фактов, с одной стороны, теоретическое обобщение, построенное на постижении сущности представленного ими процесса, с другой, — это две переплетающиеся линии исторического исследования. Лишь на последней стадии, когда формулируется концепция, историк отрывается от источников»⁸.

О необходимости привнесения в научный аппарат музыкознания основных понятий и методов именно **теории** источниковедения всеобщей истории неоднократно говорилось учеными: «К недостаткам музыкального источниковедения, — писала А. Ляпунова, — следует отнести разобщенность усилий тех, кто работает в своей области, порой случайность в выборе тематики, отсутствие единых методических установок в описании. Главное же — никто не занимается разработкой проблем общетеоретического порядка, вся деятельность ограничена вопросами узко прикладного значения, безусловно, необходимыми, но не краеугольными. Так, вопросы классификации источников, соотношения исторического факта и

⁵ Текстологию — на уровень современной науки // Советская музыка. — 1986. — № 11. — С. 98.

⁶ См. обзор библиотечных и справочных материалов в кн. И. Ф. Петровской: *Театр и музыка в России XIX – начала XX в.* — Л., 1984; *Источниковедение истории русской музыкальной культуры XVIII – начала XX века.* — Л., 1989.

⁷ Текстологию — на уровень современной науки // Советская музыка. — 1986. — № 11. — С. 101–102.

⁸ Петровская И. Ф. *Источниковедение истории русской музыкальной культуры XVIII – начала XX века.* — М., 1989. — 2-е изд. — С. 25–26.

источника, использования новых типов источников и многие другие остаются пока не решенными в музыковедении»⁹.

Важным для дальнейшей разработки методологии самой музыкальной науки представляется высказывание Л. З. Корабельниковой: «В последнее время все мы стали свидетелями (либо участниками) привлечения в музыковедение методов, сложившихся в других областях знания, подчас далеких от гуманитарных наук. Методы же последних парадоксальным образом оказываются за пределами внимания и интереса части наших ученых. В особенности нужно отметить пренебрежение **методами исторической науки**. Здесь на первом месте, конечно, стоит источниковедение. Эта дисциплина — как, впрочем, и текстология, как в большинстве музыкальных вузов палеография, как библиография или архивоведение — не читается в виде курса, не является предметом хотя бы специального семинара в консерваториях и институтах искусств»¹⁰. Наука источниковедение как часть общей истории — в том виде, в котором мы застаем ее сейчас — складывалась постепенно, на протяжении многих столетий. Основные ее направления сформировались еще в Средние века, — в первую очередь, в области изучения и толкования священных текстов, получившей название «библейской критики». Последняя имеет своим предметом:

1. Исследование подлинности текстов, т. е. принадлежности тем авторам, которым они приписываются преданием, и вообще обстоятельств их происхождения;
2. Установление правильного чтения их текста;
3. Исследование и объяснение их содержания.

В этих отношениях, — писал выдающийся русский историк Н.И. Кареев, — Священное Писание как Ветхого, так и Нового завета было предметом критики с первых времен церкви»¹¹.

Разумеется, основные направления источниковедения складывались не только в области изучения Священного Писания. С проблемами подлинности документов приходилось сталкиваться лицам, занимающимся делопроизводством и архивариусам. Задачи установления подлинности или подложности финансовых и юридических актов, грамот и дипломов, очевидно, существовали с древнейших времен, — столько, сколько существуют сами письменные тексты. Постепенно типизировались и оттачивались основные приемы работы с документальными источниками. Историки источниковедческой науки обычно в этой связи называют имя Жана Мабильона, который в своем труде «*De Re Diplomatica*» («О дипломатике», 1681 год) впервые сформулировал принципы установления подлинности документов¹².

Зародившееся в Новое время стремление объяснить историю человеческого общества через саму же гражданскую историю потребовало изучения гигантского объема исторических источников: летописей, законодательных памятников, материалов делопроизводства государственных учреждений, актовых материалов, литературных и публицистических памятников, произведений искусства и многих, многих других. Весь этот материал для его обработки и изучения потребовал специальных знаний, приемов и определенных навыков. Так возникла наука, получившая по аналогии с «библейской критикой» название «исторической критики». Еще В. Н. Татищев в своей «Истории Российской» писал, что «науку критики знать не безужно»¹³.

Но окончательно «историческая критика» сформировалась во второй половине XIX – начале XX века, когда она получила свой классический вид в трудах виднейших историков: Э. Фримена, Ш. Ланглуа, Ш. Сеньобоса, Э. Бернгейма¹⁴. Большое значение «исторической критике» придавалось также и в русской историографии. Здесь, в первую очередь, необходимо назвать имя великого историка А. С. Лаппо-Данилевского, которому, как справедливо пишет современный ученый, принадлежит заслуга в разработке самой концепции методологии источниковедения как цельного и систематического учения¹⁵.

Очевидно, музыковедам покажется небезынтересным тот факт, что Б. В. Асафьев, будучи студентом Петербургского университета, прослушал курс лекций у А. С. Лаппо-Данилевского и сдавал ему экзамен по методологии истории, включавший также и вопросы по методологии источниковедения. Асафьев позже с особой теплотой и признательностью вспоминал о своей встрече с великим историком¹⁶.

Следует отметить, что само понятие «источниковедение» — применительно к изучению исторических источников — сравнительно недавнего происхождения, — достаточно сказать, что в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона оно еще не упоминается.

⁹ Ляпунова А. С. О некоторых проблемах музыкального источниковедения // Советская музыка. – 1971. – № 3. – С. 126.

¹⁰ Корабельникова Л. З. Историкам музыки // Советская музыка. – 1985. – № 7. – С. 103.

¹¹ См.: Кареев Н.И. Критика библейская // Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. – СПб., 1895. – Т. XVI А. – С. 758.

¹² Mabillon J. *De Re Diplomatica librisex.* – Paris, 1681. Подробно о зарождении научной дипломатики см. в кн.: Каштанов С. М. Русская дипломатика. – М., 1988.

¹³ Татищев В. Н. История Российская. – М.; Л., 1962. – Т. 1. – С. 83.

¹⁴ Freeman E. *The Methods of historical Study.* – London, 1886; Ланглуа Ш. В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. – СПб., 1898; Бернгейм Э. Введение в историческую науку. – СПб., 1908.

¹⁵ Медушевская О. М. Современное зарубежное источниковедение. – М., 1983. – С. 80.

¹⁶ См.: Воспоминания о Б. В. Асафьеве / сост. А. Крюков. – Л., 1974. – С. 426–427.

«Этимологический словарь русского языка»¹⁷, основываясь на данных «Словаря современного русского литературного языка»¹⁸, указывает, что впервые слово «источниковедение» появляется в Большой энциклопедии С. Н. Южакова¹⁹. Однако там оно дается со ссылкой на статью «источники права», причем в последней слово «источниковедение» отсутствует. Очевидно, столь знакомый термин «источниковедение» в исторической науке прочно укоренился лишь с выходом трудов А. С. Лаппо-Данилевского. Он стал синонимом понятий «историческая критика» или «критика исторических источников», которые и поныне сохраняются в западноевропейской историографии.

В настоящее время источниковедение — широко развитая и многоотраслевая специальная историческая дисциплина. На протяжении нашего века учеными как за рубежом, так и в нашей стране был внесен огромный вклад в ее дальнейшее развитие. Здесь необходимо назвать имена историков М. Блока и Р. Дж. Коллингвуда²⁰; среди русских ученых — А. Шестакова, Г. П. Саара, С. Н. Быковского, В. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова²¹.

Основные методы и само понятие источниковедения складывались в борьбе различных исторических школ: например, проблемы исторического факта и отражения его в историческом источнике, проблемы познаваемости исторических фактов путем изучения исторических источников могли решаться лишь в контексте самой теории познания — при решении вопросов соотношения объективности и субъективности познания вообще, а не только исторического.

Необходимо принять во внимание, что и в современной отечественной исторической науке нет единого мнения по очень важным вопросам. Здесь также существуют различные школы, которые по-разному определяют и основные задачи источниковедения, и основные его понятия: «источниковедение», «исторический источник». Много споров ведется по поводу классификации источников, а также о структуре науки²².

Само понятие *источниковедение* — достаточно емкое и многозначное. Оно может иметь несколько значений. В одном смысле под источниковедением понимается научная деятельность, направленная на отыскание и изучение неизвестных ранее или забытых памятников и документов. Конкретно такая работа выражается в составлении различного рода справочных пособий, опубликовании отдельных памятников, сообщениях о вновь обнаруженных документах и так далее.

Другое определение может обозначать источниковедение как совокупность специальных исторических дисциплин — таких, как библиография, археография, палеография, текстология, хронология, генеалогия, краеведение и многие другие — и, таким образом, объединять их в единой системе.

Источниковедение — как, впрочем, почти любую науку — с известной долей условности можно разделить на две области: практическую и теоретическую.

Практическая сторона выражается в разнообразных видах работы с источниками, в записях текстов устной традиции, в отыскании новых документов. Теоретическое источниковедение разрабатывает самые методы

¹⁷ Этимологический словарь русского языка / под ред. Н. М. Шанского. МГУ им. М. В. Ломоносова. Философский факультет. — М., 1980. — Т. II. — Вып. 7.

¹⁸ Словарь современного русского литературного языка. — М.; Л., 1956. — Т. V.

¹⁹ Южаков С. Н. Большая энциклопедия. — СПб., 1903. — Т. 10. — С. 238.

²⁰ Блок М. Апология истории или ремесло историка. Изд. 2-е, дополненное. — М., 1986; Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. — М., 1980; 1967. См. также Библиографию в кн.: Медушевская О. М. Цит. соч. — М., 1983.

²¹ Шестаков А. Методика исторического исследования: Из опыта для опытов. — Воронеж, 1929; Саар Г. П. Источники и методы исторического исследования. — Баку, 1930; Быковский С. Н. Методика исторического исследования. — Л., 1931; Греков Б. Д. Стенограммы I и II лекции по русской истории... — М., 1935; Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Курс источниковедения истории СССР. — М., 1940. — Т. I.

²² Назовем лишь некоторые из работ, посвященных различным аспектам теории источниковедения: Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения // Источниковедение: Теоретические и методические проблемы. — М., 1969; Черепнин Л. В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин // Источниковедение отечественной истории. — М., 1973. — Вып. I; Шмидт С. О. Археография, архивоведение и специальные исторические дисциплины // Развитие советской исторической науки: 1970–1974. — М., 1975; Пушкирев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. — М., 1975; Пронштейн А. П. Методика исторического источниковедения. — Ростов-на-Дону, 1976; Медушевская О. М. Современное зарубежное источниковедение. — М., 1983; Фарсобинов В. В. Источниковедение и его метод. Опыт анализа понятий и терминов. — М., 1983; Каштанов С. М. Русская дипломатика. — М., 1988; Документальные памятники: выявление, учет, использование / под ред. С. О. Шмидта. — М., 1988; Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учебное пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева / Российский государственный гуманитарный университет. М., 1998.

поиска, критического анализа материала и его классификации, дает определения основным звеньям процесса источниковедческого исследования.

Собственно теоретическое источниковедение тоже весьма по-разному понимается в историографии.

Например, в трудах А. С. Лаппо-Данилевского дается такое определение: «Историк должен подходить к каждому показанию с научным сомнением; он должен подвергнуть его рассмотрению, благодаря которому он и получает возможность хотя бы в некоторой степени приблизиться к знанию действительности.

Следовательно, историку надо установить критерии, на основании которых он мог бы утверждать, что факт, известный ему из данного источника, действительно совершился; установление таких критериев, а также связанных с ним методов изучения исторических источников и производится в методологии источниковедения. Итак, основная задача методологии источниковедения — установить те критерии, на основании которых историк считает себя вправе утверждать, что факт, известный ему из данных источников, действительно произошел в настоящем или в прошлом развитии человечества»²³.

В свою очередь, источниковедение само является предметом осмысления методологии общей истории. В этом случае источниковедение рассматривается как важнейшая составная часть общеисторического процесса познания, в связи с чем специально разрабатываются такие проблемы как «исторический факт и исторический источник», «исторический источник и исследователь»²⁴.

До конца XIX столетия понятие «источник» практически всегда отождествлялось с конкретными памятниками, документами, остатками старины, материальными следами прошлого. Лишь в начале нашего века оно стало рассматриваться уже и с более широкой, логико-познавательной точки зрения. Именно такой подход составляет суть учения А. С. Лаппо-Данилевского. Уже в первых строках определения термина «исторический источник» ученый пишет, что источник есть «всякий реальный объект, который изучается не ради его самого, а для того, чтобы через ближайшее его посредство получить знание о другом объекте.

Итак, в области эмпирических наук, а значит, и истории, предлагаемое определение включает понятие о реальности данного объекта и понятие о его пригодности для познания другого объекта... Каждое историческое исследование преследует цель — по данному источнику познать действительность»²⁵.

Принципиально важно, что в определении Лаппо-Данилевского сразу же различаются два понятия: исторический факт и исторический источник. Последний термин понимается как некий ключ, с помощью которого историк открывает для себя знание прошлой культуры, а исторический факт есть то, что изучается историком и является предметом исторического исследования.

Иначе говоря, исторические источники выступают как свидетельства или памятники, посредством изучения которых мы можем изучать и устанавливать интересующие нас исторические факты.

Вместе с тем, ученый обращает внимание на функционально изменчивую природу терминов и подчеркивает, что «источник может иметь научно-историческую ценность в двойном смысле: в качестве исторического факта или в качестве показания об историческом факте» и, таким образом, устанавливает относительность понятий «исторический источник» и «исторический факт» в зависимости от ракурса конкретного исследования.

Определение Лаппо-Данилевского является методологически ценным при рассмотрении такого сложнейшего вопроса как соотношение общеисторического и музыкально-исторического познания. В принципиальном смысле предметом общей истории является жизнь людей в прошлом, взятая во всей совокупности ее духовных и материальных сторон. Поэтому отдельные дошедшие до нас памятники культуры, — скажем сочинения какого-либо композитора, — для общеисторической науки предстают как источники, помогающие историку изучать духовное состояние той эпохи, к которой относится творчество этого композитора.

Для музыкальной же науки творчество композитора, совокупность его музыкальных произведений являются как раз предметом изучения и, таким образом, в качестве исторического источника здесь будет выступать уже не само творчество, но та духовная среда, в которой рождается данное сочинение.

Говоря конкретнее, опера «Борис Годунов» Мусоргского для такого исследования, где предметом изучения является история России второй половины XIX века в ее целом, предстает как ценный источник, с помощью которого можно представление о духовных и нравственных исканиях людей шестидесятых–семидесятых годов. Для музыковеда «Борис Годунов» — предмет изучения; духовное же состояние общества, нравственно-этические искания людей той эпохи являются важными источниками понимания замысла и идейной основы произведения. Таким образом, устанавливается закономерная логическая взаимосвязь общеисторического и музыковедческого познания.

Среди проблем теории источниковедения важнейшее место занимают вопросы классификации исторических источников.

Число исторических источников практически необозримо, и для того, чтобы разобраться в этом море документов и памятников, необходимы специальные теоретические исследования по их упорядочиванию. Попытки систематизации исторических источников не раз предпринимались и в отечественном музыкознании. Например, Л. Данько предлагает следующую классификационную схему: «В музыкальной

²³ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. — СПб., 1913. — Вып. II. — С. 357.

²⁴ Барг М. А. Категории и методы исторической науки. — М., 1984.

²⁵ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. — СПб., 1913. — Вып. II. — С. 366.

науке существует два вида источников: непосредственно музыкальные произведения (в завершённом виде и эскизах) как основные документы композиторского творчества и материалы о музыке в виде писем, дневников, воспоминаний выдающихся деятелей музыкальной культуры и их современников»²⁶.

Нетрудно заметить, что в предлагаемой классификации объём источников сведен к минимуму — в него включены лишь те памятники и документы, которые самым непосредственным образом связаны с музыкальным искусством.

Более широкий круг источников предлагается И. Ф. Петровской: «Ноты, переписка и другие материалы личного происхождения, воспоминания, документация государственных учреждений и общественных организаций и законодательные акты, периодическая печать»²⁷.

Приведенные классификации учитывают лишь письменные источники.

Однако, во-первых, в области музыковедения большую роль приобретает изучение так называемых материальных источников: это архитектурные памятники — концертные залы, оперные театры; места проживания композиторов.

Во-вторых, плодотворное изучение истории музыкальной культуры невозможно лишь на основе источников, связанных исключительно с музыкальным искусством: с одной стороны, освоение широкого круга самых разнообразных документов требуют определенные жанры музыковедческих исследований, например, труды биографического характера; с другой стороны, изучение и самой музыки никак не может ограничиваться рассмотрением лишь текстов произведений и «близлежащих» к ним внемузыкальных явлений.

В этом смысле для музыковедения актуальны слова С. С. Аверинцева, относящиеся у него, правда, к области филологической науки: «В идеале филолог обязан знать в самом буквальном смысле **всё**, коль скоро **всё** в принципе может потребоваться для прояснения того или иного текста»²⁸.

Таким образом, объём исторических источников, необходимых музыкальной науке, в принципе может расширяться практически до бесконечности.

Лишь на основе тщательных разысканий и подробных описаний источников можно приступить к созданию совершенно необходимых всем музыкантам трудов, представляющих собой тематические указатели творчества отдельных композиторов, которые включали бы полные и точные данные:

- о всех произведениях;
- о художественных замыслах;
- об истории создания сочинений;
- сводные научные описания рукописей;
- сведения об истории изданий произведений;
- данные о первых и важнейших последующих исполнениях произведений.

Подобные «энциклопедии» творчества издавна публикуются в зарубежной музыкальной историографии. Первым трудом такого рода, как известно, явился «Хронологически-тематический указатель всех сочинений В. А. Моцарта», составленный австрийским ученым Л. Кехелем и впервые изданный еще в 1862 году. С тех пор указатель Л. Кехеля многократно переиздавался с необходимыми дополнениями и уточнениями. В отечественной музыкальной историографии подобные труды до настоящего времени не издавались, в то время как среди великих западноевропейских композиторов трудно назвать хотя бы одного, творчество которого не получило бы систематического и полного отражения в справочниках: это указатели произведений Бетховена (Г. Ноттебом, а также Г. Кинский и Х. Хальм), Гайдна (А. Ван Хобскен), Баха (В. Шмидер), Генделя — фундаментальное справочное 5-томное приложение к Полному собранию сочинений (Институт Г. Ф. Генделя), Перселла (Цуккерман), Шопена (Брейткопф), Л. Боккерини (Н. Джерард), Шуберта (Г. Ноттебом, а также О. Э. Дойч), Глюка (Л. Воткенн), Дворжака (Я. Бургхаузер) и многих других.

Таким образом, одной из насущнейших задач отечественного музыковедения является создание полных и исчерпывающих указателей произведений Пашкевича, Фомина, Бортнянского, Глинки, Даргомыжского, Рубинштейна, Балакирева, Мусоргского, Бородина, Римского-Корсакова, Глазунова, Лядова, Аренского, Танеева, Метнера, Скрябина, Рахманинова, Стравинского, Прокофьева, Шостаковича и других представителей отечественной музыкальной культуры²⁹. Необходимо иметь в виду также выдающихся композиторов, писавших в жанрах русской духовной музыки.

Помимо Предметно-тематических указателей произведений отдельных композиторов необходимы исследования различных видов источников. Они должны быть отражены в соответствующих каталогах и аннотированных указателях:

- Летопись жизни и творчества,
- Каталог нотных рукописей,

²⁶ Данько Л. Изучение и публикация источников: справочная литература // Вопросы теории и эстетики музыки. — Л., 1967. — Вып. 6–7. — С.

²⁷ Петровская И. Ф. Цит. соч. — С. 4.

²⁸ Аверинцев С. С. Филология // Литературный Энциклопедический словарь. — М., 1987. — С. 468–469.

²⁹ Первым и пока единственным трудом такого рода в нашей стране стал Тематико-библиографический указатель сочинений П. И. Чайковского / ред.-сост.: П. Вайдман, Л. Корабельникова, В. Рубцова. — М., 2006.

Каталог нотных изданий,
Библиография на русском и иностранных языках,
Дискография,
Иконография,
Каталог музейных раритетов,
Собрание юридических документов (Diplomatica) и целый ряд других.

Как уже подчеркивалось, важное значение для изучения музыкальной культуры имеют отнюдь не только письменные материалы. Во многом благодаря **изобразительным** источникам – например, настенным фрескам, росписям на древнегреческих вазах мы можем изучать древние музыкальные инструменты, а также и связанные с музыкой различные ритуальные действия и другие формы бытования музыки. Источники изобразительного характера чрезвычайно важно иметь в виду при изучении сочинений великих композиторов середины и второй половины XIX века. Заметим, что в их сочинениях на исторические темы изобразительная конкретность приобретала подчас едва ли не свойство эстетической доминанты.

Известно, какое огромное значение изучению материальных и изобразительных источников придавал в своем творчестве Мусоргский: скрупулезно выписанные и точные оперные ремарки — яркое тому подтверждение. В необходимых случаях композитор обращался даже к картографическим источникам: «... Я писал библейскую картину “Иисус Навин” совсем по библии и даже руководился картою победоносных шествий Навина по Ханаану», — писал композитор в письме к А. А. Голенищеву-Кутузову³⁰. Несомненно, Мусоргский во время работы над «Хованщиной» также исторически осмысливал и планы древней Москвы. Вспомним, например, вступительную ремарку к 3 картине оперы: «Замоскворечье. Стрелецкая слобода, против Белгорода, за кремлевской стороной Москвы. Вдали перед зрителем, крепкая деревянная стена, сложенная из громадных брусьев. За рекой видна часть Белгорода...».

Среди огромного числа **кинофото документов** особую ценность приобретают фотопортреты композиторов и исполнителей, кадры кинохроники, на которых остались запечатленными великие музыканты XX века — Рахманинов и Шаляпин, Прокофьев, Стравинский и другие.

Что касается различного рода **фоно документов**, то без их использования изучение музыкальной культуры XX века становится попросту невозможным, настолько очевидна и велика их роль в современном музыкальном мире.

И все же важнейшую роль в изучении музыкального искусства продолжают выполнять **письменные** источники.

Письменные источники, в свою очередь, также требуют классификации по различным группам. Основания для их деления могут быть выбраны самые разные: по хронологии, по происхождению, по степени приближения их непосредственно к отражаемому историческому факту, по степени завершенности и многим другим.

Деление исторических источников может производиться по самым различным основаниям, например, по степени достоверности отражения в данном источнике тех или иных исторических фактов. Интересной в этой связи представляется классификация, предлагаемая И. А. Барсовой. Справедливо обращая внимание на опасность апологетического отношения к любому документу, автор размышляет о трех родах источников:

- а) Есть документы, функция которых сообщить истину,
- б) Есть документы, назначение которых скрыть истину,
- в) И, наконец, есть документы, функция которых — сообщить не-истину, то есть ложь.

Во все времена, — пишет далее И. А. Барсова, — все три рода документов имели хождение. Но если сегодня мы в состоянии различить мотивы, по которым составлялся недавний документ, вводящий в заблуждение, то с течением времени понимание ситуации утрачивается, и мы, по сути, испытываем священный трепет перед любым старым документом»³¹.

В целом соглашаясь с мыслью И. А. Барсовой, все же позволим себе одно уточнение. Любой документ, прямо содержащий неверную информацию (или заведомую ложь), вместе с тем независимо от намерений его автора все же косвенно содержит и достоверную информацию, — например, об облике самого автора, об условиях, в которых был составлен документ.

Как справедливо и не без иронии замечает И. Ф. Петровская, «ложные сообщения в периодической печати, не имея ценности для освещения данного факта, представляют важный материал для характеристики самой печати»³².

Таким образом, классификация И. А. Барсовой верна по отношению не к документу вообще, а лишь по отношению к той прямой информации, которую он в себе содержит. Имеющиеся же косвенные данные (то есть присущие документы независимо от намерений его автора) могут представлять огромную ценность в изучении тех или иных явлений культуры. Поэтому неправильно негласное деление источников на «важные» и «неважные», «интересные» и «малоинтересные», «правдивые» и «недостоверные». Ценность источника определяется темой конкретного научного исследования и от самого историка зависит, насколько

³⁰ Мусоргский М. П. Литературное наследие. – М., 1972. – С. 233.

³¹ Барсова И. А. Самосознание и самоопределение истории музыки сегодня // Советская музыка. – 1988. – № 9. – С. 73.

³² Источниковедение истории русской музыкальной культуры XVIII – начала XX века. – М., 1989. – С. 38.

глубоко он сможет прочесть «между строк» имеющегося перед ним текста, то есть получить необходимую достоверную информацию.

Ситуация в музыковедческой науке в последние десятилетия, когда усилия ученых были сконцентрированы преимущественно в области интерпретации и толкования исторических памятников и документов — в ущерб решению проблем поиска, систематизации и подготовки к различным формам опубликования источников — не могла не сказаться негативно и на уровне самого музыкознания в целом.

В данной связи для современной музыкальной науки в полной мере сохраняет силу высказывание В. О. Ключевского: «Не только основные факты нашего прошедшего не уяснены достаточно историческим исследованием и мышлением, — самые источники нашей истории не разработаны научной критикой и даже далеко не все приведены в известность, не попали в каталог. Во многих важных вопросах нашей истории историк вынужден еще терпеливо сидеть, сложа руки, в ожидании, когда покончит свою пыльную инвентарную работу архивариус. . . Наша история еще покоится на архивных полках и едва начинает двигаться оттуда к рабочему столу ученого»³³.

Наконец, необходимо также подчеркнуть еще один очень важный аспект. Непременное условие для успешного развития любой науки заключается в том, что — метафорически говоря — все звенья в одной цепи научного исследования должны быть равно прочны для несения общей для них нагрузки. Если не выдерживает хотя бы одно из них, то разрывается и цепь общего процесса исторического познания, независимо от крепости остальных звеньев.

«Наука — это многоэтажное здание, — писал Д. С. Лихачев, — Как и всякое здание, она имеет фундамент — материал, который наука изучает, потом есть первый этаж — непосредственное изучение этого материала, а над этим возвышаются этажи “проблем” и “теорий”, обобщений и гипотез. Иногда эти этажи поднимаются так высоко, что почву, землю с их высоты почти не видно и материал приходится разглядывать в бинокль или телескоп. . . Но вот что важно. Никакое здание не может быть построено без первого этажа. Здание может быть одноэтажным, без второго этажа, но здание не может начинаться со второго этажа. Первый этаж всегда должен быть. Поэтому люди рукописей и люди голых теорий не равноценны. Первые могут существовать без вторых, но “проблемщики” в чистом виде — это строители воздушных замков, стремящиеся воздвигнуть верхние этажи без нижних, иногда это пустые “генераторы идей”»³⁴.

Мы коротко рассмотрели основную проблематику источниковедения. Вряд ли необходимо специально доказывать, что среди вопросов, которыми занимается общее историческое источниковедение, практически нет ни одного, который прямо не касался бы современной отечественной музыковедческой науки.

«Без исторических источников, — писал А. С. Лаппо-Данилевский, — нельзя конструировать историю человечества, о которой можно узнать только из них: ведь прошлое развитие человечества в его полноте не существует в настоящем: оно известно только по более или менее явным следам, какие оно оставляет в настоящем; последние доступные непосредственному научному исследованию в исторических источниках»³⁵.

Музыкознание как историческая наука с точки зрения его общественного призвания обязано осуществлять ту связь времен, тот диалог прошедшего с настоящим, без которого невозможно дальнейшее развитие самого музыкального искусства. И в этом смысле главной задачей музыкальной науки является именно выявление и познание непосредственно самих фактов прошлого — будь то конкретные художественные памятники и исторические документы, или тот глубинный духовный контекст, в котором рождаются сами художественные явления.

³³ Ключевский В. О. Соч. — М., 1989. — Т. VII. — С. 6–7.

³⁴ Лихачев Д. С. Немного о Владимире Ивановиче Малышеве // Лихачев Д. С. Прошлое — будущему: статьи и очерки. — Л., 1985. — С. 459.

³⁵ Лаппо-Данилевский А. С. Цит. соч. — С. 767.